

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26

УДК 32(045)

Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период*

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу динамики российской государственной политики в сфере исторического просвещения студенческой молодежи начиная с 1991 г. Процесс формирования исторических представлений исследуется в контексте смены идеологических акцентов в политике федеральной власти и общемировой политической конъюнктуры. В частности, отмечается, что под влиянием политических и социально-экономических трансформаций исторические приоритеты российской власти прошли путь от радикального либерализма до умеренного патриотизма и «почвенного» консерватизма. Эти тенденции нашли отражение как в профессиональной исторической науке, так и исторической публицистике.

Ключевые слова: история; исторические представления; студенты; молодежь; Российская Федерация; модернизация; фальсификации

Для цитирования: Шатилов А.Б. Деятельность органов государственной власти Российской Федерации по формированию исторических представлений студенческой молодежи в постсоветский период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):15-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26

ORIGINAL PAPER

Activities of the State Authorities of the Russian Federation on the Formation of Historical Representations of Student Youth in the Post-Soviet Period**

A.B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the dynamics of the Russian state policy in the field of historical education of students since 1991. The process of forming historical ideas is studied in the context of changing ideological accents in the federal government's policy and the global political situation. In particular, it is noted that under the influence of political and socio-economic transformations, the historical priorities of the Russian government have gone from radical liberalism to moderate patriotism and "soil" conservatism. These trends are reflected in both professional historical science and historical journalism.

Keywords: history; historical representations; students; youth; Russian Federation; modernisation; falsifications

For citation: Shatilov A.B. Activities of the state authorities of the Russian Federation on the formation of historical representations of student youth in the post-soviet period. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):15-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-15-26

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article explores the results of research carried out at the expense of budget funds on the state task of the Financial University.

Политическая составляющая привносится в исторические исследования и интерпретации по вполне понятным мотивам.

Во-первых, от исторических трактовок во многом зависит внутривластная и внутриэкономическая конъюнктура в стране, обоснование того или иного политического режима, той или иной модели взаимодействия власти и общества, той или иной государственной символики и пр.

Во-вторых, официальная версия отечественной и зарубежной истории задает определенные геополитические и внешнеполитические приоритеты государства, обозначает его исторических союзников и противников, задает вектор его цивилизационного развития.

В-третьих, транслируемые «сверху» официальные исторические концепции оказывают влияние на процессы самоидентификации граждан, поиск ими своих культурных и национальных корней, политические и социально-экономические запросы общества.

В подтверждение можно привести цитату из послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию 2007 г.: «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. ... Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, и к каждой странице нашей отечественной истории»¹.

Одновременно история является мощным идеологическим оружием, позволяющим мобилизовать общество на те или иные государственные проекты, сформировать электоральные симпатии и антипатии, оправдать проекты и действия власти.

Первый этап модернизации страны в постсоветский период (1991–1996 гг.) был связан с кардинальным преодолением советского прошлого, переформатированием политических и социально-экономических приоритетов общества под новые задачи реформирования.

В мировоззренческой и гуманитарной сферах таких задач было поставлено несколько.

Во-первых, требовалось обеспечить максимально возможный разрыв российского общества

с предыдущими, «недемократическими» этапами отечественной истории (прежде всего, с советским, но также, отчасти, с имперским).

Во-вторых, необходимо было сориентировать российских граждан (особенно молодежь как наиболее уязвимую для идеологической обработки часть общества) на либерально-демократические и рыночные ценности.

В-третьих, в условиях государственной политики команды Б. Н. Ельцина по «возвращению России в состав западной цивилизации» ставилась задача преодоления «автаркического» мышления населения страны, распространения в его среде западных ценностей и приоритетов.

Эти задачи ставились не только перед официальными СМИ, но также перед профильными министерствами и ведомствами, в том числе перед руководством Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации (1991–1993 гг.), а также перед руководством его преемника — Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию (Госкомвуза) в 1993–1996 гг. Примечательно, что первым министром образования РФ стал представитель либеральной гуманитарной интеллигенции, приверженец радикальной линии в реформировании страны — Э. Д. Днепров. Его преемники в своем большинстве представляли техническое и математическое сообщество, но также были сторонниками либеральной линии в образовании.

Ключевой идеей образовательной реформы начала 1990-х гг., по мнению академика РАО, бывшего министра образования РФ Э. Д. Днепров, была идея развития образования. На ней основывалась триада целей реформы: создание необходимых условий для развития личности; запуск механизмов развития и саморазвития самой системы образования; превращение образования в действенный фактор развития общества. Однако в реальности реформы 1990-х гг. были ориентированы на «десоветизацию» и «деидеологизацию» российской образовательной модели.

Указанный период «зачистки» советской системы образования и советского научного наследия происходил сразу по нескольким направлениям.

1. Разработка новой нормативной базы ведения образовательной и научной деятельности.

2. Внедрение новых принципов ведения образовательной деятельности в школьной и вузовской среде.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522>.

3. Трансляция научному сообществу и широкой общественности новых концепций и подходов.

4. Поддержка университетов нового типа, способных стать флагманами, опорой для либеральных реформ в образовании и науке.

5. Разработка новых базовых учебников, прежде всего по гуманитарным и обществоведческим дисциплинам.

6. Развитие партнерства с вузовским и научными центрами ведущих стран Запада с целью интеграции российской науки и образования в мировое сообщество.

Все эти подходы были в полной мере применены в 1990-е гг. к средней и высшей школе.

Так достаточно быстро была создана правовая основа для ведения образовательной и научной деятельности.

Прежде всего, тут надо отметить Указ от 11.08.1991 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», который подписал Б.Н. Ельцин практически сразу после своего избрания на должность президента России. И хотя он носил чисто декларативный и популистский характер в условиях продолжавшегося сопротивления Б.Н. Ельцина с оппонентами «союзного» уровня, тем не менее некоторые характерные моменты там присутствовали. В частности, речь шла об активизации контактов с Западом в области науки и образования: «Направлять ежегодно за рубеж для обучения, стажировки, повышения квалификации не менее 10 тысяч учащихся, аспирантов, преподавателей и научно-педагогических работников»².

Что же касается непосредственно проблем преподавания исторических и обществоведческих дисциплин в средней и высшей школе, то здесь акцент был сделан на следующих моментах:

- Внедрение принципов вариативности, гуманизации и гуманитаризации в процесс преподавания.
- Деидеологизация исторического и обществоведческого образования.
- Сопряжение его с западной наукой и образованием.
- Введение концентрической структуры исторического и обществоведческого образования.

Одновременно разрабатывались образовательные стандарты и базисные учебные планы.

Принципиально важным явилось заседание коллегии Министерства образования РФ по вопросам развития исторического и обществоведческого образования, а также утверждение Решения коллегии Министерства образования РФ от 28.12.1994 № 24/1 «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях». В данной Стратегии констатировалось катастрофическое состояние с преподаванием истории и социальных дисциплин в средней школе: «В условиях острейшего кризиса массового сознания, отсутствия системы общенациональных ценностей и ориентиров историческая наука еще не может предложить школе новую методологию и концепцию школьного исторического образования. Ученые-историки, авторы учебников, учителя, лишившись традиционной идеологической системы координат, испытывают трудности при интерпретации исторического процесса. Образовавшийся после крушения вульгаризированной марксистской парадигмы вакуум они пытаются заменить цивилизационными, культурологическими, стадийными и другими подходами, каждый из которых акцентирует внимание лишь на отдельных сторонах исторического процесса»³. Одновременно в этом документе содержалась рекомендация завершить процесс слома устоев и начать работу над формированием компромиссного подхода к преподаванию истории молодому поколению. В частности, позитивно оценивался «уход от заостренно-публицистического и дискуссионного характера преподавания истории, свойственного «перестроечным» и первым «постперестроечным» годам; возрождение интереса к общероссийским ценностям, формированию национального самосознания»⁴. Тем не менее базовыми, с точки зрения подхода к преподаванию исторических и обществоведческих дисциплин, оставались либеральные приоритеты. Это четко следовало из Закона от 10.07.1992 «Об образовании» г. и из его обновленной версии 1996 г.

Однако с учетом того, что у правительственных структур, ответственных за образование и науку, не было в первой половине 1990-х гг. ресурсного потенциала (помимо нормативного и административного) для проведения в жизнь радикальных реформ либерального типа, они вынуждены были искать поддержки у рефор-

² URL: <http://base.garant.ru/102690/>.

³ URL: <https://studfiles.net/preview/1094065/page:14/>

⁴ Там же.

маторской общественности — как отечественной, так и зарубежной. Так, например, одним из главных центров модернизации исторического образования, преимущественно в либеральном ключе, становится в 1990-е гг. Российский государственный гуманитарный университет во главе с бывшим народным депутатом СССР, известным историком Ю.Н. Афанасьевым. С одной стороны, РГГУ в те годы выступал как центр инновационных разработок (как содержательного, так и методологического плана) в области исторического образования, с другой — как оппонент историкам-«консерваторам» в МГУ и Институте российской истории РАН. Одновременно в это же время власть охотно шла на взаимодействие с различными зарубежными некоммерческими фондами. Последние в 1990-е гг. вели достаточно активную деятельность в образовательном пространстве Российской Федерации. Основные направления их работы были следующими: предоставление российским ученым и педагогам инвалютных грантов на научные исследования, приглашение на зарубежные стажировки перспективных и талантливых молодых вузовских специалистов, издание за свой счет научной и учебной литературы. В период Б.Н. Ельцина целый пул западных структур «окормлял» российское образование. В числе таковых нужно назвать Фонд Форда, Фонд Маккартуров, Фонд Сороса и др. [1].

Именно последний наиболее активно отмечался в сфере гуманитарного, особенно исторического образования. В 1995 г. в России при содействии руководства страны был учрежден Институт «Открытое общество», входивший в сеть фондов под эгидой известного американского финансиста и филантропа, адепта либерализма и глобализации Джорджа Сороса. Данный институт взял под свою опеку, прежде всего, гуманитарные и обществоведческие направления деятельности российской высшей школы. В частности, Институт сосредоточился на выпуске «правильной» научной и учебной литературы, отдавая предпочтение материалам с нестандартным подходом к политическим и социальным событиям и явлениям прошлого и настоящего России. Так в исторической сфере поощрялись исследования, посвященные модернизации страны, разоблачению тоталитаризма и авторитаризма, истории российского и зарубежного предпринимательства и т.п. Одновременно Фонд Сороса активно вкладывался в проект интернет-образования, а также

в работу с молодыми и перспективными кадрами. Например, в Будапеште в 1991 г. им был открыт Центрально-Европейский университет, который занимался рекрутированием и идеологическим воспитанием талантливой молодежи постсоветских государств в духе открытого общества и демократии [2].

Всего же за период 1995–2003 гг. только в России Фонд Сороса потратил более 1 млрд долл. США, в частности гранты от фонда получили примерно 65 тыс. школьных учителей, университетских профессоров и студентов⁵.

В плане трактовки спорных моментов отечественной истории либеральные власти Российской Федерации и их общественные союзники были категоричны и практически безапелляционны. Концептуально за основу бралась версия о последовательной и неизбежной демократизации по западным образцам (демократический транзит) всех стран мира. Основы этого подхода концентрированно были изложены сперва в статье, а потом в книге известного японо-американского футуролога и мыслителя Ф. Фукуямы, который прогнозировал скорое и повсеместное распространение либерально-демократических правил игры и, соответственно, завершение Истории [3].

С учетом вышеизложенного, в продвигаемых «сверху» интерпретациях российской истории присутствовал весьма монологичный и выборочный взгляд, с одной стороны, определяемый идеологическими предпочтениями государственных чиновников-реформаторов, с другой — текущей политической конъюнктурой — проигравшая холодную войну Россия (как преемница СССР) в 1990-е гг. просто была вынуждена встраиваться в западную повестку дня.

Так практически полностью отвергался советский период, который трактовался как отрыв России от западной цивилизации и развитие ее по тупиковой ветви. Такой подход присутствовал в выступлениях и заявлениях официальных лиц, в СМИ (которые на тот момент занимали однозначно либерально-реформаторскую позицию), в провластной историографии. При этом, если Февральская революция с небольшими оговорками подавалась как торжество демократии и свободы, то Октябрьская революция (в первой половине 1990-х гг. ее нередко называли также Октябрьским переворотом) — исключительно как

⁵ URL: <https://meduza.io/feature/2015/12/01/chto-sdelal-fond-sorosa-v-rossii>.

большевистское насилие и прелюдия к утверждению в нашей стране кровавого тоталитарного режима. Правда, такой подход не мешал одновременно резко осуждать И. В. Сталина за репрессии 1930–1950-х гг. в отношении «ленинской гвардии» и старых большевиков. Вообще в плане трактовки сталинского периода позиция официоза первой половины «лихих 90-х» почти не отличалась от установок XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» и массовые репрессии. Единственно, критика И. В. Сталина была больше персонифицирована и заострена, вплоть до обвинений его в паранойе и неадекватности.

Что же касается советского периода отечественной истории, то он практически весь трактовался негативно, особый акцент делался на критике административно-командной системы управления, преследовании инакомыслящих, социально-экономических проблемах СССР. Единственным относительно позитивным исключением, с точки зрения официальных постсоветских трактовок, являлся период «оттепели», да и он был омрачен волюнтаризмом Н. С. Хрущева, Карибским кризисом и событиями в Новочеркасске. Также двояко подавались совсем недавние события «перестройки» М. С. Горбачева, поскольку, с одной стороны, они явились «преамбулой» к дальнейшим радикальным политическим и экономическим реформам, а с другой — сопровождалась аппаратными и идеологическими «метаниями» лидера СССР.

Сложнее дело обстояло с периодом Великой Отечественной войны. Решения Нюрнбергского трибунала и Ялтинско-Потсдамские соглашения едва ли не юридически закрепляли ее итоги как победу союзников, прежде всего Советского Союза. В этом плане успех СССР не вписывался ни в концепцию догоняющего развития России, ни в западнический тренд, ни в критику советской диктатуры. В итоге был найден определенный компромисс: Великая Отечественная война по-прежнему трактовалась как героическая победа над нацизмом, но не благодаря, а вопреки «сталинскому тоталитаризму». Одновременно в учебниках и лекционных курсах неофициально было рекомендовано не упоминать имя «вождя народов» в связи с ВОВ, разве что при освещении ее первого, катастрофического периода (практически все поражения здесь приписывались недалекой видности и преступной халатности И. В. Сталина).

Однозначно позитивно подавались в провластных учебниках и монографиях приход к влас-

ти в России Б. Н. Ельцина и «победа демократии» в августе 1991 г. Эти события трактовались как конец советской истории и начало новой государственности, основанной на принципах свободы и права.

Также жестко ангажированные трактовки спу- скались «сверху» относительно статусных персон далекого прошлого. Так, например, император Петр I в 1990-е гг. подавался исключительно в позитивном ключе, как человек, который «прорубил окно в Европу» и провел «западнические» реформы. При этом за скобки выносились все издержки петровского правления. Примечательно, что «Медный всадник» в 1993 г. был взят в качестве эмблемы избирательного объединения «Выбор России» — реформаторской коалиции сторонников Б. Н. Ельцина на выборах в Государственную Думу РФ первого созыва.

Антиподом же Петра I был «назначен» Иван Грозный, который подвергся жесткой исторической обструкции за «кровавую опричнину» и создание «автаркического» российского государства.

Несмотря на достаточно жесткую обработку общественного мнения, как в общенациональном масштабе, так и на уровне средней и высшей школы, сторонникам либерально-демократических подходов добиться успеха не удалось.

Во-первых, российское общество, в течение десятилетий воспитывавшееся на идеях советского патриотизма, восприняло новые веяния неоднозначно. Как с горечью отмечали историки из либерального лагеря, «как бы ни менялась социальная структура и динамические характеристики общества, неизменным остается одно: оно всегда заинтересовано в своем самосохранении и воспроизводстве». Соответственно, «общество отнюдь не заинтересовано в получении абсолютно всех знаний о себе» и периодически включает «защитные механизмы»⁶.

Во-вторых, отвергая монологизм советской истории, профессиональное сообщество, студенчество, да и население в целом чувствовали натянутость и политическую ангажированность ультралиберального подхода к истории, принятого в первой половине 1990-х гг. в Российской Федерации.

В-третьих, для продвижения в вузы и профессиональную научную среду «официальных»

⁶ Россия в XX веке: Проблемы изучения и преподавания: Материалы научной конференции. Москва, 2 декабря 1998 г. М.: РГГУ; 1999.

либеральных приоритетов требовались кадры и щедрое финансирование. А их не было. Финансирование образования и науки в 1990-е гг. (особенно в 1991–1994 гг.) осуществлялось по остаточному принципу, зарплаты преподавателей и стипендии студентов были низкими, в стране господствовал социально-экономический кризис. Поэтому получить широкую поддержку «снизу» организаторы «шоковой исторической терапии» не смогли. Даже в плане поддержки власти симпатии вузовского сообщества разделились. Студенчество в своем большинстве еще ориентировалось на реформы (хотя уже с гораздо меньшим энтузиазмом, чем в первые годы правления Б. Н. Ельцина), однако профессорско-преподавательский состав к середине 90-х гг. ушел в глухую оппозицию, голоса преимущественно за социал-либералов из «Яблока» и КПРФ.

Наконец, в-четвертых, усилия реформаторов по перепрограммированию исторического сознания постсоветского общества натолкнулись на активное оппонирование «слева» и «справа».

Так, бывшие преподаватели истории КПСС, научного коммунизма и научного атеизма, оставшись после крушения советского строя без привычной сферы деятельности, в своем большинстве все же удержались в вузах и академических институтах. Где-то их оставляли на работе из жалости, чтобы они дотянули до пенсии, где-то бывшим обществоведам удавалось мимикрировать и достаточно быстро перекавалифицироваться в философов, политологов, социологов, обычных историков. Соответственно, будучи обиженными на новую российскую власть, «сломавшую» им жизнь, они заняли весьма недоброжелательную позицию по отношению к либеральным историческим «новеллам». Более того, отказавшись от открытого сопротивления, они подспудно продолжали работать в прежнем ключе, формируя у студенческой аудитории отношение к историческим событиям, явлениям и персонам вполне в советском ключе.

На уровне законодательной власти поддержку «просоветским» историкам оказывали коммунисты в Госдуме. В частности, по итогам формирования ГД РФ второго созыва, пост председателя комитета по образованию и науке достался члену КПРФ И. И. Мельникову, несколько позже его заместителем стал еще один «левый» депутат, член группы «Народовластие» О. Н. Смолин.

Другие оппоненты противодействовали историческим новациям либералов по державно-па-

триотической линии. Их основными «центрами сопротивления» либеральным новациям в науке и образовании стали Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), объединявшее «государственников» из числа историков, архитекторов, писателей, культурологов, а также Союз писателей России, который транслировал патриотические интерпретации истории через «свои» и партнерские журналы и газеты («Наш современник», «Завтра», «Москва» и др.).

После президентских выборов 1996 г. в постсоветской России период ниспровержения сменяется периодом поиска основ новой отечественной государственности. Дело в том, что в российском обществе наблюдалось резкое разочарование в «западническом» пути развития и либеральных ценностях, поэтому потребовались новые идеологические подходы с опорой на национальную традицию. По понятным причинам советский опыт оставался табуированным для Ельцина и его коллег, поэтому во второй половине 90-х гг. наблюдаются попытки идеализировать опыт дореволюционной царской России. В частности, в 1997–1998 гг. по инициативе «сверху» развернулась кампания по идентификации останков, якобы принадлежавших последнему российскому императору Николаю II и членам его семьи. При этом даже было выпущено распоряжение Правительства РФ за № 1606-р, подписанное премьер-министром В. С. Черномырдиным, о проведении Республиканским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава России соответствующих исследований⁷. В январе 1998 г. останки были признаны подлинными, а в июле 1998 г. их торжественно захоронили в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, невзирая на весьма скептическое отношение к результатам конъюнктурной экспертизы со стороны Русской православной церкви.

Одновременно в СМИ и кинематографе начинает активно муссироваться тема императорского периода (яркий пример — фильм Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»), причем в достаточно позитивном, а иногда и в «почвенническом» ключе.

Параллельно несколько меняются акцентировки в науке и образовании. Так, модными становятся темы успешного развития Российской империи в начале XX в., белого движения

⁷ URL: <http://docs.cntd.ru/document/9048813>.

и эмиграции первой волны, дореволюционного предпринимательства и т.д.

Одновременно происходит историческая реабилитация ранее абсолютно неприемлемых как для коммунистов, так и для либералов персон. В частности, это касается П.А. Столыпина, который в советской историографии традиционно подавался как «вешатель и черносотенец». Не жаловали экс-премьер-министра царской России также историки либерального направления, обвиняя его в излишней жесткости проводимой политики и подспудном антисемитизме. Тем не менее в конце 1990-х гг. формируется целый пул «апологетической» литературы, посвященной как неоднозначной персоне Столыпина, так и проводимым им реформам (преимущественно, аграрной реформе), одновременно эта тема активно продвигается в рамках средней и высшей школы.

В остальном же официальные исторические акцентировки практически не менялись. По-прежнему советский период рассматривался как время «тоталитарной диктатуры» и отрыва от мировой цивилизации. Доминировали крайне негативные трактовки большевистской революции 1917 г., персоны И.В. Сталина, «руководящей и направляющей роли» КПСС в советском обществе и т.п. С учетом политического и социально-экономического кризиса, наблюдавшегося в России в 1990-е гг., «провластные» историки старались меньше затрагивать в своих статьях и выступлениях такие спорные темы, как события ГКЧП, расвал СССР, гайдаровские реформы, расстрел парламента в 1993 г., первая чеченская война или же подавали их более сбалансированно, хотя, опять же, в русле концепции «демократического транзита».

Приход к власти Владимира Путина и его команды ознаменовал собой новый этап постсоветской государственности. Данный этап можно назвать временем стабилизации и консолидации. Руководство страны сделало ставку на укрепление государственных основ, борьбу с сепаратизмом и экстремизмом, формирование в России современного мощного и эффективного государства, развитие институтов гражданского общества. Все это потребовало взращивания совершенно нового человека XXI в., минимально «завязанного» на догматику как советского, так и «ельцинского» прошлого. Этим критериям отвечала молодежь, которая была вполне восприимчива к новым политическим веяниям и готова поддержать новый курс, тем более, что в нача-

ле 2000-х гг. он считался в молодежной среде «модным» и «правильным». Тем более, что новая власть пообещала наладить «социальные лифты», начать работу с молодым поколением, вывести страну в мировые лидеры. Более того, уже в 2000 г. по инициативе «сверху» было создано массовое молодежное (преимущественно студенческое) движение «Идущие вместе», девизом которого стал слоган «Все Путем». Правда, идеология его была достаточно размыта, а исторические предпочтения не были акцентированы. Вообще, нужно отметить, что до 2004–2005 гг. власть не слишком продуктивно и активно работала с молодежью, полагаясь на ее эмоциональную лояльность новому государственному курсу. Тем не менее определенные политические предпочтения закладывались как через СМИ, так и через различные творческие проекты. В этом плане примечателен громко «выстреливший», в силу созвучности общественным (в частности, молодежным) настроениям, фильм «Брат-2», который обозначил определенное отношение к геополитическим и историческим событиям. В частности, здесь наблюдается существенная трансформация транслируемых приоритетов. Так, достаточно четко обозначаются враги России. В качестве таковых фигурируют Михаил Горбачев («Сдал, сынок, Горбачев твою Родину»), либерально-демократические и толерантные США, «присвоившая» Крым независимая Украина, а также бандиты из «лихих 90-х». В свою очередь, во главу угла ставятся «патриотизм с кулаками», наведение порядка, поиск «Правды» («В чем сила, брат?»), т.е. откровенно нелиберальные (в западном понимании) ценности. В итоге кардинальным образом (но без излишней ностальгии по СССР) пересматривается мировоззренческая парадигма постсоветского развития и даются новые оценки историческим событиям: со знаком «плюс» — Великая Отечественная война, борьба с сепаратизмом в рамках чеченских войн и др., со знаком «минус» — период «перестройки» и период «разрушения основ» 1990-х гг. Одновременно был создан культовый персонаж Данила Багров, который фактически задавал молодежи соответствующие ценности, правда, без особой ностальгии по советскому прошлому. Напротив, транслировалась идея создания новой свободной и рыночной России как мощной мировой сверхдержавы.

Подобный характер носила и деятельность прокремлевского движения «Идущие вместе», которое сконцентрировало свою активность,

с одной стороны, на борьбе с «врагами России», к каковым в начале 2000-х гг. они относили оппозиционных политиков самого разного толка (Г. Зюганов, Б. Березовский, М. Ходорковский и пр.), а с другой — проводили массовые мероприятия в поддержку президента Российской Федерации, а также различного рода ритуальные акции (например, регулярные «вахты памяти» Великой Отечественной войны в ночь с 21 на 22 июня).

После событий «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. российская власть начала системную работу с молодежью, в частности со студенческой, которая в силу своей специфики традиционно являлась движущей силой различных социально-политических катаклизмов.

С этой целью властью инициируется создание целого ряда молодежных лоялистских проектов, самым мощным и массовым из которых стало движение «Наши» под руководством В. Якеменко. Движение курировалось по линии тогдашнего заместителя руководителя Администрации президента РФ В. Ю. Суркова и было вооружено обнародованной в 2005 г. полуофициальной интеллектуальной концепцией «суверенной демократии». Эта концепция носила компромиссный характер, предполагая идеологическое и мировоззренческое примирение двух «крыльев» окружения В.В. Путина — так называемых «питерских силовиков» и «питерских либералов». Если для первых был выдвинут тезис о суверенитете и державности, то для вторых обозначена приверженность демократическим ценностям.

Соответствующий «синтетический» характер имели и идеологические основы прокремлевских движений, в частности молодежного демократического антифашистского движения «Наши». Несмотря на то что данная структура выполняла вполне оперативные задачи мобилизации молодежи под эгидой власти, тем не менее определенные стратегические идеологические и исторические установки там также присутствовали. Лидер движения В. Якеменко в целом сформулировал их так: «Россия — исторический и географический центр мира, независимости и процветанию которой угрожает “противоестественный союз либералов и фашистов, западников и ультранационалистов, международных фондов и террористов, объединённых общей ненавистью к нашему президенту Владимиру Путину”»⁸.

Что же касается деятельности профильных министерств и ведомств, то в плане формирования исторического сознания студенческой молодежи инициатива принадлежала Министерству образования и науки Российской Федерации и Министерству культуры Российской Федерации.

Первое в основном сконцентрировалось на разработке новых учебно-методических требований к образовательному процессу, введении новых образовательных стандартов и внедрении нового формата вступительных испытаний в вузы (ЕГЭ). В этом плане можно отметить следующие нормативные документы: «Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 года» (декабрь 2001 г.), приказ Министерства образования РФ от 26.12.2001 № 4244 о введении федерального перечня учебников, рекомендованных Министерством образования и науки РФ для использования в общеобразовательных учреждениях, введение федерального компонента государственного образовательного стандарта (ФК ГОС) по всем предметам базисного учебного плана, включая историю, обществознание (2004 г.), утверждение Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. («Стратегия-2020», 2008 г.), введение государственной аттестации и оценки образовательных достижений учащихся по истории в форме (ЕГЭ) (в штатном режиме — с 2009 г.), приказ Министерства образования и науки РФ от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» и др. [4].

При этом 2000-е гг. ознаменовались присоединением России к Болонскому процессу, который предполагал включение нашей страны в общеевропейское пространство. Такая линия вполне согласовывалась с тогдашним курсом отечественной элиты на вхождение «возрожденной» России в «глобальное акционерное общество». Предполагалось, что в обмен на лояльность РФ западному сообществу ей будет дан «зеленый свет» в узкий круг избранных кураторов мировых политических и социально-экономических процессов, пусть даже на правах миноритария. Соответственно, хотя во внутренней политике активно продвигались идеи патриотизма, этатизма и сильной власти, во внешней до 2007 г. господствовала тенденция приобщения России к «цивилизованному сообществу». Что касалось и системы образования, которая в этот период активно подгонялась под западные, прежде всего европейские стандарты.

⁸ URL: <http://boris-yakemenko.livejournal.com/586223.html>.

Тем не менее параллельно принимались и важные документы в рамках патриотической линии руководства страны. В частности, здесь можно упомянуть Концепцию патриотического воспитания граждан Российской Федерации, принятую в 2002 г., а также Государственную программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» (аналогичные программы реализовывались также в 2006–2010 и 2011–2015 гг.). В плане исторического просвещения особо стоит отметить деятельность Российского оргкомитета «Победа». Он был создан Указом Президента РФ от 05.08.2000 № 1441. В Положении о нем говорилось, что комитет является совещательным консультативным органом при Президенте РФ и образуется «в целях проведения единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан РФ».

«Компромиссный» курс российского руководства нашел свое отражение и в трактовке исторических событий и персон.

Так, революционные события 1917 г. стали рассматриваться достаточно аккуратно, тем не менее продолжали сохраняться негативные оценки «инициированного извне большевистского переворота» (особенно на фоне продолжавшихся «цветных революций» на постсоветском пространстве). Февральская революция продолжала трактоваться относительно позитивно, но при этом подчеркивались «слабость» и «мягкотелость» ее лидеров, выпустивших ситуацию из-под контроля. В то же время в исторической науке и преподавании курса отечественной истории окрепли позиции «имперцев», которые в своих достаточно многочисленных работах рассматривали падение монархии и развал Российской империи как целенаправленную деятельность заговорщиков из числа либеральной элиты. При этом сторонники данной версии в качестве подтверждения своих идей активно продвигали в общественном сознании (в том числе, студенческой молодежи) тезис о процветающей России образца 1913 г.

Что касается советского периода, то здесь трактовки претерпели пусть и косвенные, но существенные изменения. Хотя в целом сохранились негативные оценки целого ряда коммунистических экспериментов и репрессий 1930–1950-х гг., тем не менее, наряду с ними, стали «раскручиваться» достижения СССР и советского руководства (индустриализация, полет в космос, массовое жилищное строительство, спортивные рекорды

и пр.). Особое место в пропаганде «светлой стороны» прошлого СССР уделялось подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. Здесь установка «сверху» была однозначной — минимизировать очернительство и максимально обозначить ведущую роль нашей страны в освобождении Европы от нацизма. Такая трактовка позволяла, с одной стороны, мобилизовать российское общество на основе героического прошлого, а с другой — дать дополнительные аргументы в пользу включения России в состав «глобального акционерного общества».

Что же касается постсоветского развития, то этот период уже подавался в несколько критическом ключе как развал государственности и время социально-экономических потрясений. Однако при этом каких-либо жестких оценок Б.Н. Ельцину и его команде не давалось. Чаще всего, пусть и с глубоким сожалением, но констатировался объективный характер распада СССР и трудностей первого этапа постсоветских реформ. При этом гораздо более жесткие оценки давались политике М.С. Горбачева, проводилось сравнение его неэффективного курса с успешным китайским опытом Дэн Сяопина. В то же время ностальгия по советскому времени руководством страны «не рекомендовалась». Как отметил В.В. Путин, «тот, кто не сожалеет о распаде СССР — тот не имеет сердца, а кто желает его восстановить — тот не имеет разума».

Персоны далекого прошлого в этот период отходят на второй план, поэтому каких-либо альтернативных интерпретаций Петр I и Иван Грозный не получили. Несмотря на свою весьма волюнтаристскую и жесткую политику, Петр I по-прежнему подавался в исторических исследованиях и преподавании отечественной истории как великий реформатор, «прорубивший окно в Европу», в свою очередь, автор «опричнины» традиционно трактовался как деспот и мракобес. Такие разные трактовки указанных исторических персон были обусловлены во многом предпочтениями российской политической элиты. Во-первых, во власти продолжали оставаться сторонники «западнического» вектора развития и им Петр I импонировал гораздо больше, чем «автаркист» Иван IV; во-вторых, в действиях последнего представители российского истеблишмента 2000-х гг. в большей степени усматривали признаки единоличной и централизованной власти, а также стремление к ограничению влияния элиты своего времени.

Существенные изменения в трактовке исторических событий происходят с обострением отношений между Россией и Западом в 2007–2008 и 2014–2021 гг. Во многом этому способствовал отказ США и ЕС от интеграции РФ в «глобальное акционерное общество» и агрессивная политика западных партнеров на постсоветском пространстве. Тем самым Запад фактически подтолкнул российскую элиту к проведению жесткого курса, направленного на защиту национальных интересов страны. А для реализации подобного курса требуется соответствующий общественный настрой, который формирует в том числе и трактовка событий знаковых моментов отечественной истории.

При этом в ходе своего выступления на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности 10 февраля 2007 г. Владимир Путин недвусмысленно дал понять США и их союзникам, что Россия претендует на участие в мировой системе управления и выступает против сохранения однополярности. В частности, он заявил, что «для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна»⁹. Тем не менее это предостережение российского лидера не было услышано: сперва последовало инициированное США вторжение грузинских войск в Южную Осетию, потом, опять же во многом с подачи Вашингтона, началась гражданская война в Сирии, наконец, в начале 2014 г. произошёл «Майдан-2» на Украине.

Новые геополитические реалии потребовали от российского руководства, с одной стороны, проведения мобилизационной политики, с другой — консолидации общества на началах государственного патриотизма и общероссийской идентичности. Также усилия были направлены на борьбу с фальсификаторами истории, которые использовали различного рода спорные исторические моменты, а то и прямые подтасовки для демонизации России в глазах мирового сообщества. Именно с этой целью в мае 2009 г. при Президенте РФ создается специальная Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Ее деятельность была ориентирована на оптимизацию восприятия отечественной истории гражданами РФ, особенно молодежью, развитие в обществе гражданственности и патриотизма, формирование общероссийской идентичности. Одновремен-

но эта комиссия фактически дала установку на корректировку трактовок российской истории в соответствии с изменившейся политической конъюнктурой.

Отныне базовыми для подачи исторического материала стали принципы традиционализма, державности и патриотизма. И хотя в 2012 г. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России прекратила свое существование, тем не менее именно под этим углом в этот период (особенно с 2014 г.) рассматриваются знаковые события и персоны российской истории.

Новый виток противостояния между Россией и Западом начинается в 2014 г. в связи с новым «Майданом» на Украине и реинтеграцией Крыма. На РФ по соображениям политической конъюнктуры начинается жесткое внешнее историко-пропагандистское давление. Вот примерный список тем, при освещении которых зарубежные (прежде всего, европейские и американские, а также украинские) специалисты прибегают к фальсификациям и подтасовкам:

- история национальных отношений в нашей стране, искажение истории вхождения в состав России ряда народов и территорий (в частности, народов Кавказа);
- национально-государственное строительство в России в 1920-е гг.;
- «голодомор» на Украине в начале 1930-х гг.;
- проблема развязывания Второй мировой войны, предыстория Второй мировой войны;
- проблема «оккупации» Прибалтики;
- история советско-финской войны;
- причины неготовности СССР к войне с Германией;
- причины поражений Красной армии в начальный период войны;
- вопрос о потерях СССР во Второй мировой войне;
- проблема взаимоотношений Красной армии с антифашистскими организациями в странах Восточной Европы, которые не ориентировались на сотрудничество с СССР;
- умаление роли СССР в достижении победы стран антигитлеровской коалиции над государствами фашистского блока;
- Второй мировой войны (в том числе проблемы Курильских островов, Калининграда);
- тенденциозное освещение итогов «холодной войны», распада СССР;

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>.

- роль России на постсоветском пространстве на рубеже XX–XXI вв.;
- тенденциозное освещение военных событий лета 2008 г. на Кавказе (Россия–Грузия);
- реинтеграция Крыма;
- война в Донбассе;
- вмешательство русских хакеров в президентские выборы США 2016 г.¹⁰

Все это потребовало от российской власти научно-образовательной и информационной мобилизации для борьбы с подобным агрессивным давлением западных партнеров.

В отличие от предыдущего периода, специальных контролирующих и координирующих органов «сверху» создавать не стали, а предпочли противодействовать фальсификациям с опорой на институты гражданского общества.

В частности, были задействованы следующие ресурсы:

- запущены ток-шоу на ведущих телевизионных каналах (Д. Киселев, В. Соловьев, Р. Бабаян и др.);
- оказано всемерное содействие кинофильмам «правильной» патриотической тематики («Легенда № 17», «28 панфиловцев», «Битва за Севастополь», «Мы из будущего» и др.);
- организован вузовский лекторий известного писателя и публициста Н. В. Старикова и его команды и др.

Одновременно достаточно активную поддержку патриотическим инициативам власти в области борьбы с историческими фальсификациями оказали ведущие вузы страны (например, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО, РУДН).

Обострение отношений России с Западом привело к определенному пересмотру знаковых исторических событий. Так, советский период стал трактоваться более позитивно. Это касалось теперь не только событий Великой Отечественной войны, но также «сталинской модернизации» 1930-х гг., послевоенной реконструкции, периода правления Л. И. Брежнева. Менее «выпуклой» стала тема репрессий 1930–1950-х гг. (хотя негативные трактовки «сталинских чисток» в целом остались), развивалась тема межнациональной дружбы и сотрудничества в СССР, рассказывалось об успехах советской экономики (правда, наряду с критическими оценками ее командно-административной сущности).

В 2014 г. по понятным причинам актуальность приобрела крымская тема. Соответственно, была запущена эффективная пропагандистская кампания «Крым — наш», в рамках которой исторически и юридически доказывалась незаконность решения Н. С. Хрущева о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР. Менее активно в историческом сообществе продвигалась идея «Русского мира» и «Великой России», хотя и по данной теме появился целый ряд монографий и статей.

Личность И. В. Сталина, как уже говорилось выше, продолжает оцениваться в целом негативно, но при этом ее трактовка все больше смещается в сторону известного высказывания маршала Г. К. Жукова: «Был культ, но была и Личность».

Одновременно практически снимается табу на историческую критику «перестройки» и постсоветских «лихих 90-х» в рамках академического сообщества, хотя по официальной линии эту тему стараются подавать в нейтральном ключе.

Кстати, другие знаковые события и персоны в последние годы отходят на периферию исторического сознания граждан, в том числе студенческой молодежи. Далекое от современности фигуры Петра I и Ивана Грозного уже не вызывают у россиян каких-либо эмоций. Более того, заметно снизился интерес к дореволюционной России и событиям 1917 г. В этом плане примечательно, что полемика между депутатом Госдумы Н. Поклонской и режиссером А. Учителем по поводу фильма «Матильда» не вызвала широкого общественного резонанса, невзирая на активную раскрутку этой темы в СМИ.

Что же касается оппозиции власти в области исторической политики, то ее составляют в основном представители либерального лагеря в диапазоне от системных либералов до «белоленточников» и сторонников А. Навального. Определенные (хотя и тактические) претензии к официальному освещению страниц советской истории есть также у коммунистов. Пропагандируемый многонациональный подход к историческим событиям не нравится русским этническим националистам. И, конечно, патриотическая направленность исторических трактовок последних лет крайне негативно воспринимается во внешней среде, порождая массу «параллельных» фальсификаций и инсинуаций со стороны западных журналистов, историков и политологов¹¹.

¹⁰ URL: http://www.school-russia.prosv.ru/umk/ist-obsh/Board.aspx?BoardId=11639&ob_no=11637&ThreadId=920&Tpl=Thread&page=0&print=1.

¹¹ См., например: <http://inosmi.ru/politic/20170127/238611561.html>

* * *

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее.

Во-первых, единой точки зрения на исторический процесс и знаковые исторические события и персоны у властей постсоветской России не было и нет, что порождает (особенно в последние годы «войну» различных интерпретаций).

Во-вторых, целенаправленной политики в области исторического просвещения и формирования восприятия российской истории у студенческой молодежи власти РФ практически не вели. Если в 1990-е гг. для этого не было ресурсного потенциала, то в начале XXI столетия это делалось сознательно, чтобы не создавать у подрастающего

поколения ощущения официоза. Соответственно, в период 2000–2017 гг. для борьбы за умы молодежи чаще всего привлекались лояльные власти институты гражданского общества.

В-третьих, значительное влияние на актуальность тех или иных исторических интерпретаций оказывает внешнеполитическая конъюнктура, прежде всего отношения России с западным сообществом. Если происходит их смягчение, то «официальные» исторические трактовки становятся более либеральными и «западническими», если же наблюдается конфронтация, то задаваемая «сверху» историческая тональность приобретает большее державно-патриотическое звучание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сазанова Н. В. Российская наука и образование в 1990-е годы и американская внешняя политика. *Interactive science*. 2017;(11):83–85.
2. Серебряная О. Орбан против Сороса. Венгерский парламент выгоняет ЦЕУ из Будапешта. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28410425.html>.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt.
4. Вяземский Е. Е. Образовательная политика постсоветской России и реформа общего исторического образования. *Проблемы современного образования*. 2013;(3):6–7.

REFERENCES

1. Sazonova N.V. Russian science and education in the 1990s and American foreign policy. *Interactive science*. 2017;(11):83–85. (In Russ.).
2. Olga Serebryanaya. Orban vs. Soros. The Hungarian Parliament expels CEU from Budapest. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28410425.html>. (In Russ.).
3. Fukuyama F. The end of the story and the last man. URL: http://lib.ru/POLITOLOG/FUKUYAMA/konec_istorii.txt. (In Russ.).
4. Vyazemsky E.E. Educational policy of post-Soviet Russia and the reform of general historical education. *Problems of modern education*. 2013;(3):6–7. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия ashatilov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Shatilov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia ashatilov@fa.ru

Статья поступила 20.04.2021; принята к публикации 11.05.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.04.2021; accepted for publication on 11.05.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.